

Викентий Вересаев

Два конца

Викентий Вересаев

Два конца

«Public Domain»

1899-1903

Вересаев В. В.

Два конца / В. В. Вересаев — «Public Domain», 1899-1903

«Был вечер субботы. Переплетный подмастерье Андрей Иванович Колосов, в туфлях и без сюртука, сидел за столом и быстро шерфовал куски красного сафьяна. Его жена, Александра Михайловна, клеила на комод гильзы для переплетов. Андрей Иванович уже пять дней не ходил в мастерскую: у него отекли ноги, появилась одышка и обычный кашель стал сильнее. Все эти дни он мрачно лежал в постели,пил дигиталис и придирался к Александре Михайловне. Сегодня отеки совершенно спали, и Андрей Иванович почувствовал себя настолько лучше, что принялся за работу, которую взял с собой из мастерской на дом...»

© Вересаев В. В., 1899-1903

© Public Domain, 1899-1903

Содержание

I. Конец Андрея Ивановича	5
I	5
II	10
III	16
IV	19
V	23
VI	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Викентий Вересаев

Два конца

І. Конец Андрея Ивановича

І

Был вечер субботы. Переплетный подмастерье Андрей Иванович Колосов, в туфлях и без сюртука, сидел за столом и быстро шерфовал куски красного сафьяна. Его жена, Александра Михайловна, клеила на комод гильзы для переплетов. Андрей Иванович уже пять дней не ходил в мастерскую: у него отекли ноги, появилась одышка и обычный кашель стал сильнее. Все эти дни он мрачно лежал в постели, пил дигиталис и придирался к Александре Михайловне. Сегодня отеки совершенно спали, и Андрей Иванович почувствовал себя настолько лучше, что принялся за работу, которую взял с собой из мастерской на дом.

Александра Михайловна с утра зорко следила за его настроением: ей нужно было иметь с ним один важный разговор, и она выжидала для этого благоприятного случая; все время она была очень предупредительна к Андрею Ивановичу, старалась предугадать его малейшее желание.

В комнату вошла шестилетняя Зина, дочь Колосовых, в накинутом на голову большом материнном платке. Она передала матери полубутылку коньяку.

– Хозяин велел сказать, что в последний раз дает в долг, – шепотом сказала она, робко косясь на спину Андрея Ивановича.

Александра Михайловна мигнула ей, чтоб она молчала, и стала накрывать на стол. Достала остатки обеда, подала самовар и заварила чай.

– Ну, Андрюша, довольно работать! Иди ужинать.

Александра Михайловна подошла к Андрею Ивановичу и, поколебавшись, поцеловала его в голову: она не была уверена, в настолько ли хорошем расположении Андрей Иванович, чтобы позволить ей это.

Андрей Иванович терпеливо снес поцелуй и пересел к столу. Увидев коньяк, он просиял.

– Вот спасибо, Шурочка, что припасла, – с умилением произнес он. – Недурно коньячку теперь выпить.

Андрей Иванович опрокинул в рот рюмку, с наслаждением крякнул и взял кусок солины.

– Э-эх! Ей-богу, как выпьешь рюмочку, то как будто душа в раю находится... Дай-ка хрену!

Они стали ужинать. Зина ела молча; когда Андрей Иванович обращался к ней с вопросом, она вспыхивала и спешила ответить, робко и растерянно глядя на отца: вчера Андрей Иванович жестоко высек Зину за то, что она до восьми часов вечера бегала по двору. Вчера всем досталось от Андрея Ивановича: жене он швырнул в лицо сапогом, квартирную хозяйку обругал; теперь чувствовал себя виноватым и был особенно мягок и ласков.

– Что же это Ляхов не идет? – спросила Александра Михайловна. – Обещал сейчас же с получки деньги занести, а до сих пор нет.

– Ну, где же сразу! Раньше в «Сербию» нужно зайти, выпить. Ему порядок известен.

Пришла от всенощной квартирная хозяйка. Соседка Колосовых, папиросница Елизавета Алексеевна, воротилась с фабрики. Сквозь тонкую дощатую стену слышно было, как она передевалась.

– Александра Михайловна, можно у вас кипятку раздобыться? – спросила она сквозь стену.

– Пожалуйста, Лизавета Алексеевна!

В комнату вошла невысокая девушка с очень бледным лицом и строгими, не улыбающимися глазами.

Андрей Иванович конфузливо поздоровался. Елизавета Алексеевна сурово пожала его руку и, отвернувшись, заговорила с Александрой Михайловной. Андрей Иванович чувствовал себя неловко: Елизавета Алексеевна была вчера дома, когда он бросил в Александру Михайловну сапогом.

– Вы бы, Лизавета Алексеевна, напились чаю с нами, – сказал он. – Что вам там одним пить.

– Спасибо. Мне еще к завтраму сочинение нужно писать.

– Ну, что сочинение! Напьетесь и сядете писать.

– Я вместе с чаем буду писать. – Елизавета Алексеевна налила в чайник кипятку. – Как ваше здоровье? – спросила она, не глядя на Андрея Ивановича.

– Слава богу, поправляюсь. Хочу в мастерскую идти. В понедельник – сретенье, во вторник, значит, и пойду. Пора, а то все лежу... Вон и жена всякое уважение теряет: сейчас в макушку меня поцеловала, как вам это нравится!

– Это я любя тебя, – улыбнулась Александра Михайловна.

– А я остался недоволен. Что же это такое, если жена мужа в макушку целует? Это значит – жена выше мужа; ну, а это власть вполне неуместная, хе-хе!

Елизавета Алексеевна ушла, Андрей Иванович потянулся.

– Поработаю еще немножко, пока Ляхов придет. Ты не убирай самовара.

Он сел к столу, поточил нож о литографский камень и снова взялся за работу. Александра Михайловна под села к столу с другой стороны и стала резать бумагу для гильз. Помолчав, она заговорила:

– К Корытовым в угол новая жиличка въехала. Жена конторщика. Конторщик под новый год помер, она с тремя ребятами осталась. То-то бедность! Мебель, одежду – все заложили, ничего не осталось. Ходит на водочный завод бутылки полоскать, сорок копеек получает за день. Ребята рваные, голодные, сама отрепанная.

Александра Михайловна украдкой взглянула на Андрея Ивановича. Андрей Иванович недовольно сдвинул брови: по тону Александры Михайловны он сразу заметил, что у нее есть какая-то задняя мысль.

Она продолжала:

– Говорит мне: то-то дура я была! Замужем жила, ни о чем не думала. Ничего я не умею, ничему не учена... Как жить теперь? Хорошо бы кройке научиться, – на Вознесенском пятнадцать рублей берут за обучение, в три месяца обучают. С кройкой всегда деньги заработаешь. А где теперь учиться? О том только и думаешь, чтоб с голоду не помереть.

Андрей Иванович с усмешкою спросил:

– Тебе-то какая печаль? Все сплетни в домах знаешь, кто что делает. Настоящая гаванская чиновница! Видно, самой делать нечего.

– «Какая печаль»... Будет печаль, как самой придется бутылки полоскать, – сказала Александра Михайловна, понизив голос.

Андрей Иванович выдохнул воздух через ноздри и взглянул на Александру Михайловну.

– Послушай, Саша, опять ты этот разговор заводишь? – угрожающе произнес он. – Я тебе уж раз сказал, чтоб ты не смела со мною об этом говорить. Я это запретил тебе, понимаешь ты это или нет?

– Андрюша, ну, ты подумай же сам! Ты вот все хвораешь, – ведь не ровен час, все может случиться. Куда я тогда денусь и что стану с ребенком делать?

– Ах, оставь ты, пожалуйста, свои глупости! Ты все хочешь доказать, что у меня чахотка. Никакой у меня чахотки нет, просто хроническое воспаление легких, мне сам доктор сказал. Вот придет лето, поживу в Лесном, и все пройдет.

– Так почему же мне все-таки не поучиться, пока есть время?

– Потому, что твое дело – хозяйство. У тебя и так все не в порядке; посмотри, какой самовар грязный, посмотри, какая пыль везде.словно в свином хлеве живем, как мужики! Ты лучше бы вот за этим смотрела!

Александра Михайловна замолчала. Андрей Иванович, сердито нахмурившись, продолжал шерфовать. Его огромная, всклокоченная голова с впалыми щеками мерно двигалась взад и вперед, лезвие ножа быстро скользило по камню, ровно спуская края сафьяна.

– Тебе же бы от этого помощь была, – снова заговорила Александра Михайловна. – Ты вот все меньше зарабатываешь: раньше семьдесят – восемьдесят рублей получал, а нынче хорошо, как сорок придется в месяц, да и то когда не хвораешь; а теперь и совсем пустяки приносишь; хозяин вон вперед уж и давать перестал, а мы и в лавочку на книжку задолжали, и за квартиру второй месяц не платим; погребщик сегодня сказал, что больше в долг не будет отпускать. А тогда бы все-таки помощь была тебе.

– Саша! Ради бога, оставь ты говорить о том, чего не понимаешь, сказал Андрей Иванович, стараясь сдержаться. – Я работаю с утра до вечера, содержу тебя, – могу же я иметь хоть то удовольствие, чтоб обо мне заботились! Я хочу, чтоб у меня дома был обед, чтоб мне давали с собой готовый фрыштик. А твои гроши никому не нужны, я и без тебя обойдусь. Ты прежде всего должна быть порядочной женщиной; а если женщина поступает на работу, то ей приходится забыть свой стыд и стать развратной, иначе она ничего не заработает. Ты этого не знаешь, а я довольно насмотрелся в мастерской на девушек и очень много понимаю.

– А вот Елизавета Алексеевна ведь тоже работает.

– Елизавета Алексеевна не тебе чета.

– Так позволь мне хоть в воскресную школу с нею ходить: я еле писать умею. Ум никогда не помешает.

– Тебе ум будет только мешать, – сердито сказал Андрей Иванович.

– Ум никогда никому не может мешать, – упрямо возразила Александра Михайловна.

– Саша, ну, я наконец... прошу! – грозно и выразительно произнес Андрей Иванович. – Замолчи, ради бога! Что-то ты уж и теперь больно умна стала.

Александра Михайловна заволновалась и быстро заговорила:

– А вон прошлое воскресенье ты весь день с каким-то оборванцем пропутался. По всему видно, – жулик, ночлежник, а ты ему пальто отдал!

Андрей Иванович с презрением следил за логическими скачками Александры Михайловны.

– «Жулик»! Который человек беден, тот и называется жулик. А пальто мне не нужно, потому что у меня другое есть, новое.

– Можно было татарину продать; полтора рубля дал бы, а то и два. Нам деньги самим нужны.

– Ты все ценишь на деньги. Деньги – вздор, хлам! Ты говоришь о деньгах, а я говорю о человеке, о честности. Ты одно, а я другое. Он бывший переплетчик, значит мой товарищ, а товарищу я всегда отдам последнее.

– Он все равно пропьет пальто.

– Это тебе неизвестно Мы только с тобою – хорошие люди, а все остальные – жулики, дрянь!

– Ты вот все разным оборванцам отдаешь...

Андрей Иванович грозно крикнул:

– Да замолчишь ли ты наконец?! Чучело!

– Работать ты мне не позволяешь, а сам о нас не заботишься. Смотри, – у ребенка совсем калоши продырявились, а погода мокрая, тает; шубенка вся в лохмотьях, как у нищей; стыдно во двор выпустить девочку.

Андрей Иванович положил нож, скрестил руки на груди и стал слушать Александру Михайловну.

– Тогда бы ты уж должен больше о нас заботиться... На черный день у нас ничего нету. Вон, когда ты у Гебгарда разбил хозяйской кошке голову, сколько ты? – всего два месяца пробыл без работы, и то чуть мы с голоду не перемерли. Заболеешь ты, помрешь – что мы станем делать? Мне что, мне-то все равно, а за что Зине пропадать? Ты только о своем удовольствии думаешь, а до нас тебе дела нет. Товарищу ты последний двугривенный отдашь, а мы хоть по миру иди; тебе все равно!

Александра Михайловна вдруг оборвала себя. Андрей Иванович смотрел тяжелым, неподвижным взглядом, в его зрачках горело то дикое бешенство, перед которым Александра Михайловна всегда испытывала прямо суеверный ужас.

– Я тебе говорю, чтобы ты мне никогда не смела говорить того, что ты мне сейчас сказала, – сдавленным голосом произнес Андрей Иванович. – Я это запрещаю тебе!!! – вдруг рявкнул он и бешено ударял кулаком по столу. – Погань ты этакая! От чьих трудов ты такая гладкая и румяная стала? Я для вас надрываюсь над работою, а ты решаешься сказать, что я о вас не думаю, что мне все равно?

Александра Михайловна была бледна. В ее красивых глазах мелькнуло что-то тупое, упрямое и злобное.

– А зачем же ты тогда...

– Молчать!!! – гаркнул Андрей Иванович и вскочил на ноги. Он быстро оглядел стол, ища, чем бы запустить в Александру Михайловну.

В дверь раздался стук. Елизавета Алексеевна приотворила дверь.

– Александра Михайловна, можно у вас еще кипятку взять?

– Пожалуйста, Лизавета Алексеевна, – обычным голосом ответила Александра Михайловна.

Андрей Иванович загородил собою дверь.

– Кипятку нет, самовар остыл.

Елизавета Алексеевна вспыхнула.

– Простите! – И она закрыла дверь.

Андрей Иванович, стиснув зубы, молча заходил по комнате.

– Что у тебя до сих пор Зина не уложена? – грубо сказал он. – Уже одиннадцатый час. Убери самовар. Ляхов не придет.

Андрей Иванович сел к столу и налил себе коньяку. Выпил рюмку, потом другую. Александра Михайловна видела, что он делает это назло ей, так как она уговаривала его не пить много. Если он теперь напьется, ей несдобровать.

Она молча уложила Зину, убрала самовар. Потом тихо, стараясь не шуметь, разделась и легла на двухспальную кровать лицом к стене.

Андрей Иванович сидел у стола, положив кудлатую голову на руку и устремив блестящие глаза в окно. Он был поражен настойчивостью Александры Михайловны: раньше она никогда не посмела бы спорить с ним так упорно; она пытается уйти из-под его власти, и он знает, чье тут влияние; но это ей не удастся, и он сумеет удержать Александру Михайловну в повиновении. Однако, чтоб не давать ей вперед почвы для попреков, Андрей Иванович решил, что с этого дня постарается как можно меньше тратить на самого себя.

Небольшая лампа с надтреснутым колпаком слабо освещала коричневую ситцевую занавеску с выцветшими разводами; на полу валялись шагреновые и сафьянные обрезки. В квартире все спали, только в комнате Елизаветы Алексеевны горел свет и слышался шелест бумаги.

Андрей Иванович разделся и лег, но заснуть долго не мог. Он кашлял долгим, надрывающим кашлем, и ему казалось, что с этим кашлем вывернутся всего его внутренности.

II

Ляхов явился на следующий день после обеда.

Андрей Иванович лежал на кровати злой и молчаливый: Александра Михайловна подала к обеду только три ломтика вчерашней солонины; когда Андрей Иванович спросил еще чего-нибудь, она вызывающе ответила, что больше ничего нет, так как нигде не верят в долг; эта была чистейшая выдумка, – при желании всегда можно было достать. Андрей Иванович ничего не сказал, но запомнил себе дерзость Александры Михайловны.

Ляхов пришел немного навеселе. Это был стройный и сильный парень, с мускулистым затылком и беспечным, удалым взглядом. Нос его был залеплен поперек кусочком пластыря.

– Василий Васильевич, что это? Где вы себе нос ушибли? – встретила его Александра Михайловна, скрывая улыбку.

Ляхов поздоровался и потрогал указательным пальцем пластырь.

– Это у меня вчера на Тучковом мосту с одной барышней недоразумение вышло. – Он поднял брови и почесал затылок.

Оживившийся Андрей Иванович спустил ноги и сел на кровати.

– «Недоразумение!..» – засмеялся он.

– Действием! Недоразумение действием, – пояснил Ляхов. – Увязался за нею, стал ей комплименты говорить... А она...

– Ай-ай-ай! – Александра Михайловна смеялась и качала головою. – Погодите, вот увижу Катерину Андреевну, я ей расскажу, что вы вчера на Тучковом мосте делали.

Катерина Андреевна, работница картонажной мастерской, была сожительница Ляхова.

– Ну что, как здоровье твое? – обратился Ляхов к Андрею Ивановичу, став серьезным.

– Поправляюсь понемножку. После сретенья выйду на работу. Что в мастерской у нас хорошенького?

Ляхов неохотно ответил:

– Что хорошенького! Все то же!.. Деньги принес тебе.

Он достал из кошелька четыре рубля пятьдесят копеек и подал Андрею Ивановичу.

– Ни копейки вперед не дает хозяин. Мы уж с Ермолаевым поругались с ним за тебя... Уперся: нет! Такой жох.

Андрей Иванович пересчитал деньги и сумрачно сунул их в карман жилетки. Ляхов быстро спросил:

– Тебе, Андрей, денег не нужно ли? У меня есть.

– Ну, вот еще! Нет, мне не нужно, – поспешно и беззаботно ответил Андрей Иванович. – Что ж, в «Сербию», что ли, пойдем?

Он отозвал Александру Михайловну в кухню, отдал ей четыре рубля, а себе оставил пятьдесят копеек.

– Андрюша, ты б лучше не ходил, – просительно сказала Александра Михайловна. – Ведь тебе нельзя пить, доктор запретил!

– Это ты меня, что ли, учить будешь, как я обязан поступать? – злобно ответил Андрей Иванович и воротился к Ляхову.

В «Сербии», по случаю праздника, былолюдно и шумно. Половые шныряли среди столов; из «чистого» отделения неслись звуки органа, гремевшего марш тореадоров из «Кармен»; ярко освещенный буфет глядел уютно и приветливо.

У Андрея Ивановича сразу стало весело на душе. Целую неделю он провел дома, в опротивевшей обстановке, в мелких и злобных дразгах с Александрой Михайловной. Теперь от шумной веселой толпы, от всей любимой, привычной атмосферы «Сербии» на него пахнуло волею и простором.

Андрей Иванович и Ляхов прошли в заднюю комнату, где всегда можно было встретить знакомых. Они сели к столу около камина, украшенного большим тусклым зеркалом в позолоченной раме, и заказали полдюжины портеру.

Ляхов рассказывал о своем вчерашнем романе на Тучковом мосту. Подошел знакомый артельщик, Иван Иванович Арсентьев, солидный человек с цыганским лицом и с зонтиком; Андрей Иванович усадил его к своему столу.

– Да мне, собственно, уж идти пора, – возражал Арсентьев.

– Ну, ну, пустяки какие! Выпьте стаканчик портеру и пойдете. За ваше здоровье!

Они чокнулись втроем и выпили. Андрей Иванович сейчас же снова налил стаканы.

– Что это, никак у тебя новая палка? – обратился он к Ляхову. – С обновочкой! Покажи-ка!

– Палочка, брат... сенаторская! – с гордостью ответил Ляхов. Он поднял палку, с силою махнул ею в воздухе. Палка была крепкая и гладкая, с массивной головкой, вся из черного дерева.

Андрею Ивановичу она очень понравилась; он любил хорошие вещи.

– Хороша палочка! Дай поправлюсь немножко, обязательно заведу такую... А-а, Муравейчик, здравствуй! – вдруг рассмеялся Андрей Иванович. – Куда бежишь? Садись с нами, выпьем, – расходи пополам!

«Муравейчик» – молодой переплетный подмастерье Картавцов – торопливо проходил через комнату, держа под мышкой две бутылки пива.

– Не могу, Андрей Иванович, гости дома, – ответил он поспешно.

Андрей Иванович, смеясь, оглядывал приземистую фигуру Картавцова с выгнутыми ногами и круглой стриженной головой на короткой шее.

– Ну, ну, какие там гости, все ты врешь! «Гости»!.. Кто же для гостей две бутылки ставит? Придет он домой, – обратился Андрей Иванович к Арсентьеву, – запрутся вдвоем с женою и выпьют пиво, вот им и праздник!

– Ей-богу, Андрей Иванович, тетка из Твери приехала, – скороговоркой произнес Картавцов и поспешил к выходу, переваливаясь на ходу и шевеля лопатками.

Ляхов вдогонку крикнул:

– Ты бы для тетки-то на третью бутылку раскошелился!

– Ей-богу, чудачок! – засмеялся Андрей Иванович, обратившись к Арсентьеву. – Я его Муравейчиком называю. Никогда ни копейки не поставит на угощение! Работает, работает, суетится, – в субботу всю получку домой несет. Жена у него такая же, – коротенькая, крепкая, тоже у нас работает в мастерской... Принесут домой деньги – считают, рассчитывают: это вот на керосин, это на сахар, это в сберегательную кассу... Настоящие немцы! Кто заболит из товарищей или помрет, – подойдешь к нему с подписным листом... «Я... я потом!» – и убежит; а потом в самом конце листа мелко-мелко напишет: «Григорий Картавцов – десять копеек»... Вот Васька, он у нас молодчина! – сказал Андрей Иванович и хлопнул Ляхова по коленке. – Ни над чем для товарища не задумается... Будь здоров, Васька! За товарищество!

Они выпили уже по четыре стакана. У Андрея Ивановича слегка затуманилось в голове и на душе стало тепло. Он с довольной улыбкой оглядывал посетителей, и все казались ему приятными и симпатичными.

В дверях показался невысокий, худощавый человек с испитым, развязным лицом и рыжеватыми, торчащими усами; картуз у него был на затылке, пальто внакидку: под мышкой он держал цитру в холщовом мешке.

Вошедший остановился на пороге и, посвистывая сквозь зубы, оглядел комнату.

– Сенька! – окликнул его Андрей Иванович. – Иди скорее к нам! Вот нам кого не хватало! Иди, садись!.. Это, господа, Захаров, бывший переплетчик. Он нам такую музыку изобразит

на цитре! И сыграет и споет, – все вместе... Голубчик, как я рад! Садись! – повторял Андрей Иванович и тряс руку Захарова.

Захаров положил мешок под стул, сел и уперся руками в колени. Ляхов встрепенулся и шелкнул пальцами.

– Эге! На цитре играете? Тащите цитру!

– Да неохота чтой-то играть, – ответил. Захаров и предупредительно принял из рук Андрея Ивановича стакан портера.

– Ну, неохота! Всячески ты же нам должен сыграть... Пей, пей раньше!

Андрей Иванович ужасно обрадовался Захарову: это был тот самый «оборванец», которому Андрей Иванович подарил пальто и который, по уверению Александры Михайловны, обязательно должен был его пропить; между тем пальто было на нем.

– Чего там – «неохота»!.. Валяй!..

Ляхов вытаращил глаза и, размахивая рукою, запел басом:

Давно готова лодка,
Давно я жду тебя...

Захаров отнекивался. Только после долгих упрасиваний он вынул цитру и, разложив на столе, стал настраивать. Арсентьев, солидно опершись на зонтик, брезгливо оглядывал его отрепанный пиджачишко и дырявые штиблеты.

Захаров взял несколько аккордов, тряхнул волосами, закинул голову и запел тонким, очень громким фальцетом:

Смотря на луч пурпурного заката,
Стояли мы на берегу Невы...

Взгляды присутствующих обратились на него. Захаров пел с чувствительным дрожанием и медленно поводил закинутою головою. Подошел отставной чиновник, худой, с жидкой бородкою и красными, мягко смотрящими глазами. Он умиленно сказал:

– Как ты, милый мой, славно играешь! Ну-ка, вот тебе на струны!

Чиновник протянул пятиалтынный. Захаров кивнул головою, сунул монету в жилетный карман и залился еще слаще:

До гроба вы клялись любить поэта...
Страшась людей, боясь людской молвы,
Вы не исполнили священного обета,
Свою любовь – и ту забыли вы...

Чиновник слушал и оглядывал окружающих влажными, умиленными глазами.

– Самодельный инструмент-то! – обратился он к Андрею Ивановичу. Андрей Иванович с гордостью ответил:

– Он у нас на все руки мастер... Садитесь, пожалуйста, к нам, – что же вам стоять!

Чиновник переставил на их стол бутылку с пивом и сел.

– А ну-ка, милый мой, сыграй «Выйду ль я на реченьку», – национальную!.. Знаешь? – сказал он Захарову.

– Извините, этой не знаю. «По улице мостовой» могу.

Захаров выпил стакан портеру, рванул струны, – они заныли, зазвенели, и задорно-веселая песня полилась. Чиновник раскачивал в такт головою, моргал и с блаженной улыбкою оглядывал слушателей. Ляхов поднялся с места и, подперев бока, притоптывал ногами.

Подошла пожилая женщина в длинной, поношенной тальме и в платочке.

– Какая у вас прелестная музыка! Вы мне позволите послушать?

У нее было круглое и довольно еще миловидное лицо, но у углов глаз было много морщинок. Она держалась жеманно и разыгрывала даму. Это была фальцовщица из той же мастерской, где работали Андрей Иванович и Ляхов.

Красавица ты моя,
Есть словечко до тебя! –

пропел Ляхов и схватил ее сзади за талию. Он сел к столу и посадил фальцовщицу к себе на колени.

– Тебя Авдотьей Ивановной, что ли, звать? Ну-ка, Авдотья Ивановна, опрокинем по бокальчику?

Авдотья Ивановна, жеманясь, возразила:

– Ах нет, я не для этого! Я только к тому, что какая у вас прекрасная музыка.

Портер, однако, выпила.

– Конфетка ты моя!.. Зазнобушка! – ломался Ляхов и крепко прижимал ее к себе.

Захаров вдруг запел невероятно циничную песню, от которой покраснел бы ломовой извозчик, с припевом:

Амигдон, Амигдон!
Амигдон-мигдон-мигдон!

Он пел под общий хохот, топорщил усы и выкатывал глаза на Авдотью Ивановну. Та слушала с широкой улыбкой, неподвижно глядя ему в глаза, и медленно моргала.

К ней подошел половой.

– Позвольте деньги за пиво!

– За какое пиво? – растягивая слова, спросила фальцовщица. – Что ты, дурак, пристаешь? Принеси сюда мое пиво.

– Пиво выпито-с, нужно деньги заплатить.

– Что тебе надо? – Авдотья Ивановна ждала, чтобы Ляхов взял ее пиво за свой счет. – Болван! Никакого не понимает обращения. На!..

Она встала, достала из кармана восемь копеек и бросила половому. Когда Авдотья Ивановна снова хотела сесть, Ляхов неожиданно выдернул из-под нее стул, и она упала.

– Ну, что вы шутите? – проговорила фальцовщица, поднимаясь.

Ляхов схватил ее сзади под мышки, поднял три раза на воздух и повалил лицом на Арсентьева. Арсентьев недовольно отстранился. Андрей Иванович с отвращением следил за фальцовщицей. Он грубо сказал:

– Слушай, Васька, можно бы ее убрать отсюда! Ей в нашей компании совсем не место!

– Любовь-то мою убрать?! Как же это можно? Я без нее с тоски иссохну! Дунька, садись!

Ляхов снова посадил ее к себе на колени.

– Вот еще выпьем с тобой по стаканчику и пойдем! К тебе, что ль, пойдем! Одна живешь? – спрашивал он, нисколько не понижая голоса. – Пойдем мы с тобою, дверь на ключ...

Авдотья Ивановна как будто не слышала циничных мерзостей, которые ей говорил Ляхов.

– Какая у вас прекрасная музыка! Будьте столь любезны сыграйте нам еще что-нибудь хорошенькое! – обратилась она к Захарову.

Тот ответил ей грязною остротою. Андрей Иванович сидел темнее ночи. Остальные смеялись.

Захаров снова заиграл на цитре и тонким фальцетом запел «Маргариту».

Мар-га-рита, пой и веселися,
Мар-га-рита, смейся и резвися,
Мар-га-рита, все мои мечты,
Чтобы дверь открыла, рыла, рыло ты!

Ляхов вскочил, заложил большие пальцы за жилетку и начал перебирать ногами, поводя и подрагивая задом.

За соседним столом сидели за водкою два дворника. Один из них, с рыжей бородою и выпученными глазами, был сильно пьян. Заслышав музыку, он поднялся и стал плясать, подогнув колени и согнувшись в дугу. Плясал не в такт, щелкал пальцами и припевал:

Гуляю день, гуляю ночь,
Гуляю всю неделюшку,
Ах, занимаюсь я гульбой...

– Садись на место! Ишь заплясал, – засмеялся его сосед и насильно усадил рыжебородого дворника на стул. – Не для нас с тобой музыка заказана.

Дворник злобно таращил глаза на канканировавшего Ляхова.

– Дурак этакий! Плясать взялся! Нешто так нужно плясать? Архаровец!

Ляхов крикнул:

– Ты что, утопленник, заговорил? Сиди да лакай водку!

Кругом хохотали. Дворник озлился.

– Утопленник? Я тебе сейчас покажу утопленника?

– Я, брат, с живыми людьми рад говорить, а с утопленниками – извини, не могу.

– Залепил нос себе, сукин сын! Я тебе шейного пластыря наклею!

– Молчи, утопленник ладожский!

Дворник рванулся со стула. Ляхов, бледный, с весело смеющимися глазами, стоял и ждал.

Сосед обнял дворника за плечи и усадил на место.

Ляхов воротился к своим. На его стуле сидела Авдотья Ивановна и со своею широкою улыбкой, словно не понимая, слушала цинические издевательства Захарова. Ляхов вдруг увидел, какое у нее поблекшее, морщинистое лицо, какая некрасивая, растерянная улыбка... Он зашел сзади, поднял на стуле фальцовщицу и изо всей силы швырнул ее вместе со стулом к выходной двери. Авдотья Ивановна ударилась грудью в спинку стула, на котором сидел рыжебородый дворник, и оба они, вместе со стульями, повалились в кучу.

Зазвенели и раскатились по полу упавшие бутылки. Вбежали половые, фальцовщица хрипло крикнула:

– Городовой!

Ляхов, хохоча про себя, поспешно сел к столу и стал пить пиво.

Дворник, путаясь в юбках Авдотьи Ивановны, в бешенстве вскочил и бросился ее бить. Его с трудом оттащили. Авдотья Ивановна несколько раз пробовала встать, но не могла: она наступала на свои юбки и тальму, может быть, была пьяна. Половые подняли ее и вытолкали на улицу.

У чиновника покраснел нос, он жалобно заморгал глазами.

– Женщину! – произнес он, качая головою. – За что он так с женщиной поступил? – обратился он к Андрею Ивановичу. – Силу показал над кем!

– Гр-рязь этакая! Ее давно следовало вышвырнуть вон! – ответил Андрей Иванович.

Чиновник грустно сказал:

– Нет, это не годится! Я люблю веселость и спокойный характер, а к чему обижать людей?

– Ей тут было не место! Ну, скажите, пожалуйста, разве может порядочная женщина слушать такие песни? Она должна покраснеть и уйти, а эта сидит, пялит глаза: «Ах-х, какая у вас прекрасная музыка!» Это неприлично для женщины, раз она не публичная женщина.

– Нет, я люблю веселость и спокойный характер, – грустно повторял чиновник.

– Всячески же ее присутствие тут было неблагоприятно, – поддержал Андрея Ивановича Арсентьев.

Захаров засмеялся.

– В гнилой трубе две трубы! Настоящая ассенизация!

– Ну, черт с нею! – сказал Андрей Иванович. – Еще разговаривать об ней! Плюньте вы на нее! – обратился он к чиновнику. – Выпьем лучше с вами! А?

Фальцовщица исчезла, и к Андрею Ивановичу воротилось хорошее расположение духа. Он заказал водку и солянку.

Ляхов взял руку Захарова и с размаху хлопнул ладонью по его ладони.

– Молодчина, Сенька, ей-богу! Ловко играешь, сукин ты сын этакий! Ну-ка, хлопнем!

– Будьте здоровы! – ответил Захаров, чокаясь. Он опрокинул в рот рюмку водки и молодецкато провел рукою по волосам. – Вы знаете, как сказано в поэзии: «Лови, лови часы любви, минуты наслажденья...» Вы не смотрите, что это пустяковина; это не зря сказано... Кинарейку поймай-ка! Другой ее этак – цоп! Разве можно так? Нужно брать тонко!..

Чиновник отошел от них. Он стоял у соседнего стола, качал головой и говорил сидевшим за пивом трем наборщикам:

– Я люблю веселость и спокойный нрав... А за что же женщину бить? Разве это благородно?

III

Народу все прибывало. Лампы-«молнии» с хрустальными подвесками тускло освещали потные головы и грязные, измазанные горчицею скатерти. Из кухни тянуло запахом подгорелого масла и жареной рыбы. В спертом, накурленном воздухе носились песни, гам и ругательства.

Андрей Иванович пил рюмку за рюмкой. В душе было горячо, хотелось всех любить, хотелось сплотить всех вокруг себя и говорить что-нибудь хорошее, сильное и важное.

Полбутылка портеру, которую половой, откупорив, заткнул пробкой, согрелась, и пробка с выстрелом вылетела из горлышка; пена брызнула в стороны, пробка ударилась в низкий потолок и упала на сидевшего за соседним столом наборщика.

Наборщик, бледный молодой человек, с очень высоким узким лбом, сердито оглянулся.

– Послушайте, я вас попрошу поосторожнее! – угрожающе произнес он, отирая голову.

Андрей Иванович добродушно ответил:

– Мы нечаянно, – что там!

– «Поосторожнее»! – передразнил Ляхов. – Ты это портеру говори, а не нам! Объявился с претензиями!

Наборщик медленно повернул к Ляхову свое бледное лицо и молча смотрел на него.

– Поглядел бы раньше, швырял ли в него кто пробкой. Нет, сейчас в амбицию вломился, – «поосторожнее»! Прохвост паршивый!

Андрей Иванович пересел к наборщику.

– Ну, что там! Сказано, нечаянно... Чего вы?... Разве не бывает различных несчастных обстоятельств? Выпьем лучше вместе для знакомства.

Ляхов, развалясь на стуле, говорил:

– Что ж, пойдем из-за полбутылки к мировому!

– «Нечаянно»!.. Я рад, – совершенно справедливо, – ответил наборщик Андрею Ивановичу, – но к чему же ругаться, как этот господин?

Андрей Иванович воскликнул:

– Друзья! Выпьем!.. Ну, неужто мы из-за этого станем поднимать скандал? Позвольте спросить, чем вы занимаетесь?

– Наборщики.

– Ну, а мы переплетчики! Все мы трудящиеся люди, из-за чего же ради мы будем ссориться? Из-за полбутылки портера?... Друзья, друзья!.. Пойдем, Вася, к ним! – он потащил Ляхова к наборщикам. – Ну, помиритесь, поцелуйтесь!.. Человек, еще полдюжины портеру!

– Позвольте, почему вы рассердились? – спросил Ляхов, садясь к наборщикам. – Вы должны были раньше поглядеть, отчего случилось дело. А вы сейчас же начинаете ворочать глазами и говорить различные угрожающие выражения.

– Совершенно справедливо! А только для чего вы...

Нет, позвольте, я вам все сейчас объясню! Мы сидим, портер хлопнул, чем мы виноваты? Вы к бутылке должны были со своим замечанием отнестись, а не к нам...

Андрей Иванович взял провинившуюся бутылку портера.

– Ну, ну, дурак! – И он совал бутылку к губам наборщика. – Мирись сейчас же с бутылкой! Целуйся с ней без разговоров!

– Я рад-с! Очень приятно познакомиться! – Наборщик галантно раскланялся с бутылкой и три раза поцеловал ее накрест.

– Да он с нею уже давно знаком! – сказал его сосед. – Эка, подумаешь, в первый раз знакомится!

Андрей Иванович грозно крикнул половому:

– Гаврюшка! Я тебе сказал – еще полдюжины портеру!

Половой подошел.

– Буфетчик не отпускает, Андрей Иванович; с вас и то полтора рубля следует. Потрудитесь раньше заплатить.

– Убирайся к черту! Скажи буфетчику, пусть запишет.

– За вами и то уж шесть рублей записано.

Андрей Иванович сунул руку в карман жилетки, там было всего пятьдесят копеек. Он спросил Ляхова:

– У тебя много, Вася?

Ляхов обшарил карманы и набрал семьдесят копеек. Арсентьев поднялся и протянул руку Андрею Ивановичу.

– До свиданья! Время идти, – сказал он.

Андрей Иванович придержал его руку.

– Слушайте, нет ли у вас до завтра двух целковых?

Лицо Арсентьева сделалось холодным и скучающим.

– Нету при себе, Андрей Иванович! С удовольствием бы.

Андрей Иванович качал головой и с презрением смотрел ему в глаза.

– Ж-жох ты этакий! Раз что мы угощаем, так разве бы я вам завтра не отдал? Неохота идти сейчас домой за деньгами, только и всего.

Он отвернулся от Арсентьева. Взгляд его упал на Захарова; Андрей Иванович просиял; он подсел к нему на стул и обнял Захарова рукою.

– Вот что, Сенька, слушай! Я сейчас напишу жене записку, а ты сходи и отнеси. Пусть поглядит на тебя, хлындра. Этакие грязные взгляды: зачем, говорит, ты ему пальто отдал. Он его пропьет!.. Пускай посмотрит, пропил, ли ты... Я ей напишу, чтоб прислала с тобой два рубля. Ладно, а?

Захаров согласился. Андрей Иванович, шлепая калошами, пошел к буфету, заплатил рубль двадцать копеек и, взяв у буфетчика карандаш, написал на клочке бумаги: «Саша! Пришли немедленно с посланным два рубля: очень необходимо».

Захаров ушел. Подали еще портеру. Андрей Иванович сидел с наборщиками, целовался с ними и ораторствовал:

– Вы трудящие люди, и мы трудящие люди!.. Об вас Некрасов сказал: «Вы все здоровьем хлипки, все зелены лицом!» Почему? Потому что вам приходится дышать свинцовой пылью. Мы – золотообрезчики, мы дышим бумажной пылью... И нам и вам в чахотке помирать!.. Четыре года назад мой названный брат Фокин просил меня, чтобы я его научил делать золотые обрезы. Я его стал отговаривать, что это вредно для груди. «Ну, – говорит, – тебе жалко, чтоб я столько же не зарабатывал, как ты». Жалко? О нет, мне не жалко!.. Научил его, а теперь он уж три года как на Смоленском лежит; Романов сейчас от чахотки помирает. У меня хроническое воспаление легких, скоро тоже чахотка будет... Верно ли?... Товарищи! И вы и мы работаем для просвещения! Мы должны друг другу дать руки!

– Вер-рно! – повторял, поникнув головою, бледный наборщик с высоким лбом и стучал стаканом по столу.

Ляхов отстал от компании. Он сидел на другом конце комнаты с нарумяненною девушкою в шляпе с широкими полями и пышными перьями. Вскоре он вместе с нею исчез из «Сербии».

Захаров воротился. Он встряхивался, словно его сейчас окатили водою, и с размахом швырнул на стол свою фуражку с надорванным козырьком.

– Ффу-фу-фу-фу-фу! Ну и побывал же я в баньке!

Андрей Иванович спросил:

– Принес?

– Черта с два принес! Не знал, как ноги унести!

– Почему так?

– Убирайтесь, говорит, вон отсюда!.. Жена-то ваша. Я спрашиваю: какой же будет ответ?

«Никакого ответа не будет!»

Андрей Иванович с блуждающей улыбкою смотрел на Захарова. Не веря ушам, он медленно переспросил:

– Так и сказала?

– А ты как думал? Так, брат, и отрезала! – иронически подтвердил Захаров; он с чего-то стал говорить Андрею Ивановичу «ты».

Андрей Иванович выпил залпом два стакана портеру и вышел из «Сербии».

Шел дождь, ветер бурными порывами дул с моря. На проспекте было пустынно, мокрые панели блестели под фонарями масляным блеском. Андрей Иванович быстро шагал, распахнув пальто навстречу ветру.

IV

После того как Андрей Иванович и Ляхов ушли в «Сербию», Александра Михайловна перемыла посуду, убрала стол и села к окну решать задачу на именованные числа. По воскресеньям Елизавета Алексеевна, воротившись из школы, по просьбе Александры Михайловны занималась с нею. Правду говоря, большого желания учиться у Александры Михайловны не было; но она училась, потому что училась Елизавета Алексеевна и потому, что учение было для Александры Михайловны запретным плодом.

Она попробовала решить задачу, взглянув предварительно в решения. Ничего не вышло. Александра Михайловна погрызла карандаш, подумала и, отложив задачник, потянулась.

Было скучно. По оконным стеклам текли струи воды, в квартир; стояла тишина; Зины не было, – она бегала по двору. Александра Михайловна достала из комода деньги, которые ей оставил Андрей Иванович, и стала их распределять, на что их употребить. Два рубля решила отдать хозяйке за квартиру, рубль заплатить по книжке в мелочную лавочку, остальное оставила на расходы. Покончив расчеты, Александра Михайловна спрятала деньги, зевнула и стала ходить по комнате. Из всех углов ползла на нее мертвая, томительная скука, но Александра Михайловна привыкла к ней и мало тяготилась ею.

Сняла кофточку, распустила по белым, полным плечам свою густую косу и стала причесываться перед зеркалом. Сделала себе китайскую прическу, потом греческую, потом начала прикидывать, как бы вышло, если бы подрезать спереди гривку. Александре Михайловне давно хотелось пустить себе на лоб гривку и завивать ее, но Андрей Иванович строго запретил ей это.

Темнело. Александра Михайловна вышла в кухню, к квартирной хозяйке. Старуха хозяйка, Дарья Семеновна, жила в кухне вместе с дочерью Дунькой, глуповатой и румяной девушкой, которая работала на цементном заводе. Они пили кофе, Александра Михайловна подседа к ним, но от предложенного кофе решительно отказалась.

Стали беседовать о вчерашней драке, разыгравшейся на лестнице между живописцем вывесок и пьяным приказчиком. Хозяйка сообщила несколько новых подробностей; она узнала их утром от жены живописца. Но вскоре разговор истощился; вчера они уже часа три говорили об этой драке.

Дарья Семеновна послала Дуньку в лавочку за керосином. Александра Михайловна спохватилась, что Зина до сих пор бегает на дворе. Она попросила Дуньку на обратном пути разыскать Зину и привести домой, а сама пошла к себе.

Походила по комнате, стала напевать шансонетку, которую слышала летом на открытой сцене в Крестовском:

Радость наша –
Доктор Яша
Воротился из вояжа!..

На дворе зажгли фонарь. Тусклый свет лег на потолок около шкапа. На проспекте звенела конка. Александра Михайловна села в кресло и задремала.

Воротилась Дунька и привела с собою Зину. Александра Михайловна, зевая, зажгла лампу. Зина иззябла, руки у нее были красные, ноги мокрые. Александра Михайловна начала ее бранить, что она так долго не возвращалась домой. Зина слушала и весело топала ногами; матери она нисколько не боялась и была при ней совсем другою, чем при отце.

– Ай! Затопи печку, мама! – крикнула Зина в самый разгар поучений.

– Что ты орешь? – строго заметила Александра Михайловна. – Главное – «ай»! Как будто в самом деле есть чего!.. Не бегала бы по двору до ночи, так и не было бы холодно. На дворе грязь, слякоть, а она бегают.

Смеясь, Зина крикнула еще громче:

– Караул! Холодно!

Александра Михайловна дала ей два шлепка. Зина захныкала.

– Когда тебе говорят, ты должна слушать, а не смеяться!

– Да! Когда мне холодно! – плаксиво возразила Зина.

– Печка топлена, от жары, слава богу, деваться некуда. Поменьше бы бегала по двору, так ничего бы и не было. Вот погоди, воротится отец, я ему расскажу; ты, должно быть, забыла, как он тебя третьего дня отпорол.

В дверях показалась Елизавета Алексеевна, воротившаяся из школы.

– Александра Михайловна, хотите заниматься?

– Да, да, сейчас!

Она суетливо собрала тетрадки, книги и пошла к Елизавете Алексеевне в ее комнату.

Комната Елизаветы Алексеевны была очень маленькая, с окном, выходившим на кирпичную стену. На полочке грудю лежали книги, и среди них желтели обложки сочинений Достоевского и Григоровича – приложений к «Ниве».

Александра Михайловна сказала:

– Задачи у меня не вышли, Елизавета Алексеевна; думала-думала, проверяла-проверяла, – не сходятся с решением! – И она с недоумением пожала полными плечами.

Елизавета Алексеевна стала решать вместе с нею. Они занимались около часу. Елизавета Алексеевна объясняла, сдвинув брови, серьезная и внимательная, с матово-бледным лицом, в котором, казалось, не было ни кровинки. Она была дочерью прядильщицы. Когда Елизавета Алексеевна была ребенком, мать, уходя на работу, поила ее настоем маковых головок, чтоб не плакала; их было шестеро детей, все они перемерли и выжила одна Елизавета Алексеевна.

В комнате Александры Михайловны Зина громко пела в пустую кастрюлю, которую держала перед ртом:

Чудный месяц плывет над рекою,
Все спокойно в ночной тишине...

Александра Михайловна решила, наконец, обе задачи. Елизавета Алексеевна спросила:

– Ну, что, не соглашается Андрей Иванович пустить вас работать?

– Нет! – вздохнула Александра Михайловна. – Слыхали вчера? Чуть было не избил, что посмела сказать.

– Он хочет, чтоб вы его хлеб ели, – сказала Елизавета Алексеевна, понизив голос.

– Да добро бы еще хлеб-то этот был бы! А то ведь сам все болеет, ничего не зарабатывает; везде в долгу, как в шелку, никто уж больше верить не хочет. А обедать ему давай, чтоб был обед! Где же я возьму? Сам денег не дает и мне работать не позволяет.

– Так чего вам заботиться? Без денег нельзя обеда приготовить, он сам может это понять.

– Он этого не хочет понимать: чтоб был обед, только и всего! Сегодня подала солонины – надулся: ты, говорит, не хочешь постараться... Поди-ка сам, постарайся! Придешь в мелочную, лавочник тебе и не отвечает, словно не слышит; сколько обид наглотаешься, чтоб фунт сахару получить.

– Ни за что бы не стала для него стараться! – воскликнула Елизавета Алексеевна. – Хочет, чтоб вы его хлеб ели – пусть добывает денег!

– У него разговор короткий: давай! А не дашь, он себя покажет, каков он есть король.

Александра Михайловна была рада говорить без конца. Андрей Иванович совершенно подчинил себе ее волю, и она не смела при нем пикнуть; теперь она начинала чувствовать себя полноправным человеком. И чем больше она говорила, тем ясней ей становилось, что она права и страдает, а Андрей Иванович тираничен и несправедлив.

Елизавета Алексеевна прошла по комнате и нервно повела плечами.

– Никогда замуж не пойду!.. Словно ребенок какой, ничего не смей, на все из чужих рук смотри!

– А я рада, что ли, что пошла? Ведь они перед свадьбой всегда прикидываются: говорят, что и любят тебя, и холить будут, и пить-то ничего не пьют...

Александра Михайловна помолчала.

– Вы думаете, ему есть до нас какая-нибудь забота? Ему только товарищи и дороги; последний кусок он отнимет у своей девочки, чтоб отдать товарищу; для товарища он ни над чем не задумается... Пять лет назад его прогнали от Гебгарда, – за что? Товарищ его Петров поставил золотые обрезы просушиваться, а хозяйская кошка чихнула и испортила обрезы. Петров переделал, поставил в книжку за поправку по шесть копеек, – хозяин вычеркнул и написал: «Я не виноват»... Ну, что с хозяином сделаешь? Всегда так было и будет. Поругался про себя Петров, и больше ничего. И дело-то всего в полтиннике было. А мой Андрей Иванович взбеленился: «Это, говорит, он еще слонов у нас тут разведет, – ходить будут по мастерской да чихать во все стороны?... Не виноват хозяин? Кошка виновата?...» Поймал кошку и разбил ей голову о пресс. А кошка дорогая была, ангорская, пятнадцать рублей стоила... Ну и прогнали его. Что ж хорошего вышло? Два месяца без работы пробыл, совсем обнищали...

Хозяйка заглянула в дверь.

– Михайловна, человек тебя спрашивает.

Александра Михайловна вышла. В кухне стоял человек с рыжеватыми, торчащими, как щетина, усами, в знакомом Александре Михайловне пальто. Это был Захаров. Он галантно расшаркался.

– Записка вам от вашего супруга!

Александра Михайловна прочла записку. У нее опустились руки. Часто дыша, она с негодованием оглядела Захарова.

– Зачем ему нужно два рубля?

– Не знаю-с! Просто просил меня Андрей Иванович принести, а для чего, – положительно не знаю.

– Как вам это нравится, Елизавета Алексеевна?! Пишет, чтоб я ему еще прислала два рубля! Где я их возьму? Ах ты, боже мой, боже мой! а?... Вы где с ним пьянствуете, в «Сербии»? На коньяк денег не хватило вам? Зачем ему деньги?

Захаров смущенно переминался.

– Окончательно не могу вам этого сказать. А только просил меня Андрей Иванович принести.

– Да кто вы такой?

– Я знакомый его.

– Знакомый? Какой такой знакомый?

– Значит... познакомились с ним, с супругом вашим.

– Хорош знакомый, которого жена в первый раз видит!

– Удивительно, – сконфуженно произнес Захаров.

– А вы меня видали?

– Н-нет.

– Так что же для вас удивительного?

Захаров вздохнул.

– Да на что ему деньги-то нужны, ответьте мне!

– Он мне не сказал, на что. Просто просит вас прислать ему два рубля. «Пусть, говорит, пришлет». Н-ну... Желает, чтобы вы прислали ему два рубля. Вот вам мой короткий ответ.

– Да на что, на что ему?

– Не знаю.

– Как же не знаете? Ведь вы вместе сидите, вместе пьете! На что они ему? Пропить ли, вам ли подарить?... На что?

– Окончательно ответить вам – не знаю.

– Ну уж, пожалуйста, не врите!

Захаров беспомощно пожал плечами и снова вздохнул.

– Я к вам по его поручению пришел, как посланец, больше ничего! Ничего не знаю, ничего не понимаю. А вы, как Иоанн Грозный, – В ногу гонца острый конец жезла своего он вонзает.

– Какой Иоанн Грозный? Что вы глупости говорите?... Кто вы сами-то такой, – я вас не знаю! Ступайте вон отсюда!

Захаров заморгал глазами.

– Это вы мне намекаете, что я должен удалиться? Какой прикажете дать ответ?

– Никакого ответа не будет!

Александра Михайловна круто повернулась и ушла к Елизавете Алексеевне.

V

Глаза Александры Михайловны блестели, она задыхалась от волнения и сознания отчаянной смелости своего поступка. Елизавета Алексеевна сидела бледная.

– Как вам это понравится! – воскликнула Александра Михайловна. – Дома гроша нет, сам не работает, а пришли ему два рубля с этим оборванцем! Это тот самый оборванец, которому он пальто свое отдал, – я сразу поняла. Мало пальто показалось, еще деньгами хочет его наградить, – богач какой! Пускай свой ребенок с голоду помирает, – оборванцы-пьянчужки ему милее!

Хозяйка, Зина и Дунька вошли в комнату. Дарья Семеновна жалостливо сказала:

– Ну, Михайловна, убьет он теперь тебя до смерти!

– Пускай убивает, мне что!

– Побегу за этим усатым, посмотрю! – Дунька быстро накинула платок и исчезла.

Александра Михайловна гордо и радостно повторила:

– Пускай убивает! Весело мне, что ли, жить? Одни только тычки да колотушки и видишь, словно ребенок малый!.. Жив был отец, – отец тиранил, замуж вышла, – муж.

Елизавета Алексеевна молчала, в волнении кусая губы. Зина, быстро дыша, оглядывала присутствующих и начинала плакать. Хозяйка вздыхала.

– Пойти прибрать в твоей комнате все тяжелое. Пьяный человек, неровен час... Пойдем, Михайловна!

Они отобрали два горшка с геранью, литографский камень, ножи и все отнесли в кухню. Испуг окружающих передался Александре Михайловне. Она все больше падала духом.

Вошла Елизавета Алексеевна и решительно сказала:

– Слушайте, Александра Михайловна, уходите с Зиной со двора! Я ему скажу, что вас нет дома.

– Нет, что уж! – апатично ответила Александра Михайловна. – Он тогда со злобы все у нас перебьет, порвет, ни одной тряпки не оставит. Все равно уж!.. А вот я вас хотела просить, Лизавета Алексеевна, – возьмите Зину к себе; а то он, чтоб мне назло сделать, начнет ее сечь, изувечит ребенка.

В квартиру, как вихрь, влетела Дунька.

– Идет Андрей Иванович! – крикнула она, задыхаясь. – Пьяный-пьяный! Шатается и под нос себе лопочет! Уж с прищепта повернул... Ой, боюсь!

Все засуетились. Зина заплакала.

– Иди, Зина, к Лизавете Алексеевне, – поспешно сказала Александра Михайловна.

– Идите вы тоже ко мне! – резко проговорила Елизавета Алексеевна. – Он ко мне постесняется войти.

Александра Михайловна испуганно твердила:

– Нет, нет! Ради бога, голубушка, идите с Зиной и не показывайтесь! Увидит вас, еще больше обозлится. Он мне и так утром говорил, что это вы меня подучаете его не слушаться.

Елизавета Алексеевна увела Зину к себе. Перепуганная Дунька пошла вместе с ними.

– Ты-то чего, дура, боишься? – презрительно сказала Елизавета Алексеевна. – Тебя он не смеет трогать.

– Голубушка, Лизавета Алексеевна, боюсь, – повторяла Дунька, дрожа.

Властно и громко зазвенел звонок. Хозяйка отперла. Слышно было, как Андрей Иванович вошел к себе в комнату и запер за собою дверь на задвижку.

– Давай деньги! – хрипло произнес он.

В комод поспешно щелкнул замок. Александра Михайловна послушно достала деньги и отдала Андрею Ивановичу.

– Еще! – отрывисто сказал он. – Все деньги давай! Четыре рубля!

Александра Михайловна робко возразила:

– Андрюша, я два рубля уже истра...

Раздался звук пощечины и вслед за ним короткий, всхлипывающий вздох Александры Михайловны. Зина сидела на постели Елизаветы Алексеевны и чутко прислушивалась; она рванулась и заплакала. Елизавета Алексеевна, бледная, с дрожащими губами, удержала ее.

За стеною слышалась молчаливая возня и сдержанное всхлипыванье. Зина, дрожа, смотрела блестящими глазами в окно и бессознательно стонала.

Вдруг Александра Михайловна крикнула:

– Андрей, пусти!!! Я сейчас... посмотрю...

За стеною стало тихо.

– Нашла! – иронически протянул Андрей Иванович.

Он стал пересчитывать деньги. Зина дрожала еще сильнее, упорно глядела в окно, охала и растирала рукою колени.

– Как ноги больно! – тоскливо сказала она.

Елизавета Алексеевна спросила:

– Отчего у тебя ноги болят?

– У меня всегда ноги болят, когда папа маму бьет, – ответила Зина с блуждающею улыбкою, дрожа и прислушиваясь.

– Ну, а теперь я покажу тебе, как меня перед людьми позорить! – сказал Андрей Иванович.

Александра Михайловна пронзительно вскрикнула.

За стеною началось что-то дикое. Глухо звучали удары, разбитая посуда звенела, падали стулья, и из шума неслись отрывистые, стонущие рыдания Александры Михайловны, похожие на безумный смех. Несколько раз она пыталась выбежать, но дверь была заперта.

– О-о, господи! – тяжело вздохнула хозяйка на кухне.

– Ай-ай-ай, Лизавета Алексеевна, боюсь! – плакала Дунька, стараясь держаться ближе к Елизавете Алексеевне.

Елизавета Алексеевна бросилась к запертой двери и стала стучать в нее кулаком. Напрягая свой слабый голос, она крикнула:

– Андрей Иванович! Отворите сейчас же, а то я побегу за дворниками!

– Что?! – грозно спросил Андрей Иванович, подходя к двери. – Убирайся к...

Раздался вопль Александры Михайловны и шум упавшего тела.

Елизавета Алексеевна бросилась вниз по лестнице к дежурному дворнику. Дворник, кутаясь в тулуп, сидел на скамейке у ворот. Он равнодушно ответил:

– Я дежурный, не могу от ворот уйти.

Елизавета Алексеевна побежала в дворницкую. У дверей стоял, шелкая подсолнухи, молодой дворник. Узнав, в чем дело, он усмехнулся под нос и моментально исчез где-то за дровами. Сегодня, по случаю праздника, в доме все были пьяны и чуть не из каждой квартиры неслись стоны и крики истязуемых женщин и детей. Наивно было соваться туда.

Елизавета Алексеевна и сама это понимала. Никого ей не дозваться. Она в отчаянии остановилась посреди двора. С крыш капало, от помойной ямы тянуло кислую воню; за осклизшей деревянной решеткой палисадника бились под ветром оголенные ветки чахлах берез.

Из подъезда выбежал Андрей Иванович, с всклокоченными волосами, в пальто внакидку; глаза его горели. Он быстро прошел к воротам, не заметив Елизаветы Алексеевны. Она поспешила наверх.

Александра Михайловна, с закинутаю, мертвенно-неподвижною головою, лежала на кровати. Волосы спутанными космами тянулись по подушке, левый глаз и висок вздулись громадным кровавым волдырем, сквозь разодранное платье виднелось тело. Вокруг суетились

хозяйка и Дунька. Зина сидела на сундуке, дрожала, глядела блестящими глазами в окно и по-прежнему слабо стонала, растирая рукою колени.

Александрю Михайловну привели в чувство. Хозяйка поставила самовар, Елизавета Алексеевна сбегала в погребок и принесла бутылку рома. Александра Михайловна напилась горячего чаю с ромом и осталась лежать.

Она была вяла и апатична. Тупо оглядывая окружающих, она рассказывала, как бил ее Андрей Иванович, как он впился ей ногтями в нос и рвал его, а другой рукою закручивал волосы, чтоб заставить ее отдать все деньги... Хозяйка вздохнула и жалостливо качала головою. Елизавета Алексеевна, сдвинув брови, мрачно смотрела в угол. Дунька слушала жадно, с блестящими от любопытства глазами, словно ей рассказывали интересную и страшную сказку.

Просидели все вместе с час. Александрю Михайловну стало познабливать, она решила лечь спать. Елизавета Алексеевна ушла из дому.

Александра Михайловна разделась, уложила Зину, потушила лампу, но заснуть не могла. Правое бедро, в которое Андрей Иванович ударил ее каблуком, ныло, распухший нос горел. Она лежала на спине, глядела в темноту и думала о своей жизни. Ей вспоминался мрачный, горевший ненавистью взгляд Елизаветы Алексеевны, с каким она слушала рассказ, – и в ней самой разгоралась ненависть. До сих пор Александра Михайловна несла тяжесть своей семейной жизни, как неизлечимую болезнь, от которой можно только страдать. Теперь она думала о том, что эти страдания глупо терпеть и что нужно вырваться из них; она думала и о том, что ее жизнь скучна и сера, а Елизавета Алексеевна живет в какой-то другой жизни, яркой и светлой.

На потолке около шкапа тускло светило пятно от горевшего на дворе фонаря; порывистый ветер хлестал дождем в окно; телефонные проволоки на крыше гудели однообразно и заунывно, словно отдаленный благовест. В воздухе один за другим глухо прозвучали три пушечных выстрела: начиналось наводнение... Зина, спавшая на сундуке, слабо стонала сквозь сон.

В кухне раздался резкий, громкий звонок. Александра Михайловна быстро села на постели и с бьющимся сердцем стала вслушиваться. Ее взяло отчаяние: опять Андрей Иванович, опять истязания...

Но в кухне слышался женский голос. Дверь открылась, и голос окликнул Александрю Михайловну:

– Вы спите? Можно к вам?

Александра Михайловна узнала Катерину Андреевну, коробочницу, сожительницу Ляхова.

– Васька-то мой!.. Ах, негодяй, негодяй! – заговорила Катерина Андреевна, задыхаясь.

– В чем дело, Катерина Андреевна? Что случилось?

Александра Михайловна встала и зажгла лампу. Катерина Андреевна быстро ходила по комнате и повторяла:

– Негодяй, негодяй, мерзавец подлый!

Катерина Андреевна была стройная девушка, с красивым, нервным лицом и большими темно-синими глазами. На ней была изящная черная кофточка и шляпка с перьями...

– Опять что-нибудь накуролесил Ляхов? – спросила Александра Михайловна.

Катерина Андреевна с негодующей дрожью повела плечами.

– Такую подобную тварь, а?... Я давно знала, что он хороводится с различными девками, а тут уж... К нам на квартиру привел, ко мне! А?! Ах, прохвостина этакий, обормот!!

– К вам привел на квартиру? – с любопытством спросила Александра Михайловна.

– Самую последнюю тварь! Понимаете, – раскрашенную, которую можно топтать ногами. У-у-у!.. Уж и отхлестала же я им обоим их поганые морды!

Александра Михайловна в полусвете лампы заметила, что и у самой Катерины Андреевны губы в крови и правый глаз распух.

– Ах, негодяй, негодяй грязный!.. Дозволить себе такую подобную мерзость, а?

– И из квартиры выгнал вас?

– Сам еще придет ко мне, просить будет воротиться, да посмотрим, кто над кем покуражится! Два уже раза я ему прощала, – в ногах валялся, ноги мне целовал... Ну, теперь посмотрим!

Александра Михайловна помолчала и заговорила:

– Вам-то хоть хорошо. Вы с ним не связаны, захотели и ушли, он вам ничего не может сделать. Работу вы имеете и без него можете прожить, – вам его содержание не нужно.

Катерина Андреевна рассмеялась.

– Его содержание!.. Я его содержала, на свои деньги! Свои он все пропивал, до последней копейки. Посмотрим теперь, как он без меня проживет.

– А вот как у меня-то, – вяло продолжала Александра Михайловна, – живи, как крепостная, на все из чужих рук смотри. Муж мой сам денег мало зарабатывает; что заработает, сейчас пропьет. Я его уж как просила, чтобы он мне позволил работать, – нет! Хочет, чтоб я его хлеб ела.

Катерина Андреевна остановилась перед столом, глядела блестящими глазами на огонь лампы и злорадно улыбалась.

– Пускай только придет теперь, он у меня узнает, можно ли меня оскорблять! – сказала она. – Ах, подлец, подлец!

– Они сегодня с мужем вместе пьянствовали в «Сербии». Не хватало им денег на коньяк, – пришел муж, меня избил до полусмерти и все, все деньги отобрал, ни гроша в доме не оставил. А вы ведь знаете, какой он теперь больной, много ли и всего-то выработает!.. Чем же жить? Сколько раз я ему говорила, просила, – пусть позволит хоть что-нибудь делать, хоть где-нибудь работать, все-таки же лучше, нет!

– Поступайте к нам в мастерскую. У нас много можно выработать – полтора рубля в день. Научиться скоро можно.

– Так не позволяет мне муж, я что же вам говорю?

– Ах, мерзавец этакий, а?! – Катерина Андреевна передернула плечами и снова заходила по комнате. – Мне сегодня и ночевать негде, я к вам пришла, – можно у вас остаться?

– С удовольствием, милости просим! Только воротится муж, опять меня бить начнет. Вам будет спокойно.

– Ничего, я как-нибудь... – рассеянно ответила Катерина Андреевна. – А они-то теперь там... На моей кровати!.. О негодяй, обормот подлый, пускай только покажется мне на глаза!

В двенадцать часов воротилась Елизавета Алексеевна. Катерина Андреевна поместилась у нее.

Александра Михайловна снова улеглась спать, но заснуть не могла. Она ворочалась с боку на бок, слышала, как пробил час, два, три, четыре. Везде была тишина, только маятник в кухне мерно тикал, и по-прежнему протяжно и уныло гудели на крыше телефонные проволоки. Дождь стучал в окна. Андрея Ивановича все не было. На душе у Александры Михайловны было тоскливо.

VI

Андрей Иванович воротился домой в десятом часу утра – воротился хмурый, смиренный и задумчивый. Молча напился кофе и сейчас же лег спать.

Александра Михайловна сварила молочную рисовую кашу, накормила Зину, Катерину Андреевну и поела сама. К обеду же приготовила только жиденький суп с крошечным куском жилистого мяса.

К двум часам Андрей Иванович проспался и встал веселый, ласковый. Александра Михайловна стала накрывать на стол. Она повязала свой синяк платком, усиленно хромала на ушибленную ногу и держалась, как деревянная. Андрей Иванович ничего словно не замечал и весело болтал с Катериной Андреевной.

Катерина Андреевна вышла в кухню напиться. Андрей Иванович поморщился и сказал:

– Что ты, Саша, фальшивишь? Не так уж нога у тебя ушиблена, я сразу понимаю. Ну, пойди сюда, дурочка! Дай я тебя поцелую.

– Где уж тут фальшивить! Поневоле захромаешь, как начнут тебя ногами топтать, словно рогожу. – Она ответила угрюмо, но лицо ее невольно для нее самой вдруг прояснилось от ласки Андрея Ивановича.

– Ну, пойди, пойди сюда! – Андрей Иванович охватил ее за талию и ущипнул в бок. – А ты знай вперед, что настойчивой быть нельзя. Раз что муж тебе что-нибудь приказывает, то ты должна исполнять, а не рассуждать. Ты всегда обязана помнить, что муж выше тебя.

– А вот ты деньги все опять прокутил, – на что жить будем? Обедать даже не на что сварить, сегодня еле-еле кусочек мяса выклянчила в мясной. Ведь не о себе я стараюсь, мне что!

– Ничего, Шурочка, деньги пустяки! Сегодня нет, завтра будут. Наживем!.. Эка, стоит о деньгах печалиться!

После обеда пришел в гости слесарь электрического завода Иван Карлович Лестман; это был эстонец громадного роста и широкоплечий, с скуластым лицом и белесую бородкою, очень застенчивый и молчаливый. Он благоговел перед Андреем Ивановичем.

Стали вечером играть в стукалку, потом сели пить чай. У Александры Михайловны было на душе очень хорошо: Андрей Иванович был с нею нежен и предупредительно-ласков, и она теперь чувствовала себя с ним равноправною и свободною. Андрей Иванович, опохмелившийся остатками вчерашнего коньяку, тоже был в духе. Он сказал:

– Шурочка, ты бы пошла позвала к нам Елизавету Алексеевну. Что ей там одной сидеть? Пускай чайку попьет с нами.

Странное было его отношение к Елизавете Алексеевне: Андрей Иванович видел ясно, что Александра Михайловна бунтует против него под ее влиянием, и часто испытывал к Елизавете Алексеевне неистовую злобу. Тем не менее его так и тянуло к ее обществу, и он бывал очень доволен, когда она заходила к ним.

У Елизаветы Алексеевны была мигрень. Осунувшаяся, с злым и страдающим лицом, она лежала на кровати, сжав руками виски. Лицо ее стало еще бледнее, лоб был холодный и сухой. Александра Михайловна тихонько закрыла дверь; она с первого взгляда научилась узнавать об этих страшных болях, доводивших Елизавету Алексеевну почти до помешательства.

– Опять голова болит! – объявила Александра Михайловна. – Раза по три в неделю у нее голова болит, что же это такое!

– Эх, бедняга! – с соболезнованием сказал Андрей Иванович.

Лестман покачал головою.

– Все от ученья. Такой больной не есть хорошо много учиться, раньше нужно доставать здоровья.

– «Здоровье доставать»... Как вы будете здоровье доставать? – возразил Андрей Иванович. – Тогда нужно отказаться от знания, от развития; только на фабрике двенадцать часов поработать, – и то уж здоровья не достанешь... Нет, я о таких девушках очень высоко понимаю. В чем душа держится, кажется, щелчком убьешь, – а какая сила различных стремлений, какой дух!

– Ну, а что ж хорошего вот этак все больной валяться? – сказала Катерина Андреевна. – И к чему учиться-то? Не понимаю! Ничего ей за это дороже не станут платить.

Андрей Иванович поучающе возразил:

– Дело не в деньгах, а в равноправенстве. Женщина должна быть равна мужчине, свободна. Она такой же человек, как и мужчина. А для этого она должна быть умна, иначе мужчина никогда не захочет смотреть на нее, как на товарища. Вот у нас девушки работают в мастерской, – разве я могу признать в них товарищей, раз что у них нет ни гордости, ни ума, ни стыда? Как они могут постоять за свои права? А Елизавету Алексеевну я всегда буду уважать, все равно, что моего товарища.

В кухне раздался звонок. В комнату вошел Ляхов с котелком на затылке и с тросточкой. Он был сильно пьян. Катерина Андреевна побледнела.

– У вас Катька? – спросил он, не здороваясь. – Ты здесь? Иди домой, где ты пропадешь?! – крикнул он на нее.

Катерина Андреевна стояла, нервно сжимая рукою край стола, и в упор смотрела на Ляхова.

– Пошла я с тобой, как же! – ответила она, задыхаясь. – Ах ты, негодяй, негодяй! Еще домой зовет после подобной мерзости!

– Я тебе приказываю, понимаешь ты это?!

– Я тебе, слава богу, не жена! Ты мне не можешь приказывать! Кто ты такой? Я тебя не знаю!.. Ах ты, негодяй грязный!

– Пойдешь ты или нет? – Ляхов грубо схватил ее за руку около плеча.

– Отстань!

Андрей Иванович угрожающе крикнул:

– Что это, Васька, за безобразие? Оставь ее!

Ляхов опустил руку и с усмешкой оглядел Андрея Ивановича.

– Аль тебе ее захотелось?

– Дело не об этом, а о том, что не смей скандала делать.

– Она, брат, ко всякому пойдет, к кому угодно!.. Что уж очень хочется тебе? Ну, ладно, бери, черт с нею! Эка добра какого... На!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.